

Популистская модель социального государства в контексте принципов свободы справедливости и равенства

С. Б. Глушаченко, С. А. Никанов, В. С. Курапин

Мурманский арктический университет,
г. Мурманск, Российская Федерация

В статье представлена характеристика популистской модели социального государства в контексте руководящих идей свободы, справедливости и равенства. Изучены предпосылки и причины его формирования на примере Турецкой республики и Государства Израиль. Проанализированы законодательные акты, регулирующие отношения в сфере социального обеспечения, действующие в данных государствах. В процессе исследования было установлено, что в ходе построения социального государства популистского типа допускается отхождение от принципов свободы, равенства и справедливости ради достижения определённых политических целей.

Ключевые слова: социальное государство, популизм, принципы права, свобода, равенство, справедливость.

Для цитирования: Глушаченко С. Б., Никанов С. А., Курапин В. С. Популистская модель социального государства в контексте принципов свободы, справедливости и равенства // Ленинградский юридический журнал. – 2025 – № 4 (82). – С. 8-31. DOI: 10.35231/18136230_2025_4_8. EDN: YZKUMI

Original article
UDC 340.11
EDN: YZKUMI
DOI: 10.35231/18136230_2025_4_8

Populist Model of the Welfare State According to Principles of Liberty Justice and Equality

Sergey B. Glushachenko, Sergey A. Nikonov, Vladimir S. Kuriapin

Murmansk Arctic State University,
Murmansk, Russian Federation

In this article was given characteristic of the populist model of the welfare state according to principles of liberty, justice and equality. Was analyzed preconditions and causes of forming of this type of welfare state through examples of Turkish Republic and State of Israel. Researched legal acts, which are regulate welfare policy of that countries. As the result was turned out that populist welfare state allows withdrawal of principles of liberty, justice and equality for sake of achieving of political goals.

Key words: welfare state, populism, principles of law, liberty, equality, justice.

For citation: Glushachenko, S. B., Nikonov, S. A., Kuriapin, V. S. (2025) Populistskaya model' social'nogo v kontekste principov svobody spavedlivosti i ravenstva [Populist Model of the Welfare State According to Principles of Liberty Justice and Equality]. *Leningradsij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 4 (82). Pp. 8-31. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_4_8. EDN: YZKUMI

Введение

Кризис социального государства, вызванный совокупностью экономических и политических причин, актуализирует необходимость критического анализа средств и методов, используемых для практической реализации идей, лежащих в основе данной модели государственного устройства. При этом, следует учитывать, что, ни в отечественной, ни в зарубежной юридической науке не существует единого и исчерпывающего представления о сущности, целях, задачах и методах построения социального государства.

Напротив, многие исследователи права, в частности Т. С. Ледович, Г. Эспинг-Андерсен и М. Керим-Али говорят о многообразии форм социального государства, которые можно отграничить друг от друга как по кругу решаемых задач, так и по набору средств, используемых для достижения поставленных перед ними целей, а также по наличию сильных и слабых сторон. При этом некоторые типы социального государства, по нашему мнению, изучены в меньшей степени, чем другие. В частности, недостаточно внимания уделено популистскому социальному государству. Между тем, анализ опыта построения социального государства данного типа позволит избежать ошибок, допущенных руководством других стран в ходе государственного строительства.

Общая характеристика популистского социального государства

Впервые популистский тип социального государства подвергся научному осмыслению в работах Э. Юрюка. Политика социального государства обозначенного типа характеризуется организацией программ помощи гражданам, направленных прежде всего, на слои общества, которые с одной стороны представляют угрозу для стабильности государства, а с другой являются перспектив-

ными субъектами активизации деятельности, направленной на поддержку действующей власти [21, с. 19].

При этом в зависимости от целей проводимой политики меры, принимаемые популистским социальным государством для достижения для сохранения за определёнными элитными группировками власти, можно разделить на две категории:

- 1) нацеленные на кооптацию. Их задача – сокращение социальной базы потенциально опасных движений;
- 2) нацеленные на политическую мобилизацию, то есть на увеличение численности общественных групп, являющихся опорой действующей политической элиты.

Отметим, что обозначенные практики приобретают особую актуальность в условиях электоральной демократии и политической поляризации. При этом в ряде социальных государств, организованных по популистской модели, происходит поворот от системы социального обеспечения, основанной на трудоустройстве, к совокупности мер поддержки лиц, имеющих низкий уровень доходов или ведущих определённый образ жизни.

Финансовая несостоятельность и инаковость в контексте популистской модели социального государства воспринимаются, по преимуществу, как предпосылка к политизации, которая в свою очередь несёт за собой определённые риски для действующей власти. В этой связи одним из существенных факторов, определяющих социальную политику государства, является вовлечённость тех или иных общественных групп в борьбу за власть.

Роль институтов гражданского общества в рамках популистской модели социального государства, в числе прочего, заключается в оказании давления на органы государственной власти в целях защиты социальных прав членов определённых общественных групп. Политическая активность населения в рамках обсуждаемой

модели одновременно является ресурсом для развития социальной сферы и угрозой для правящей элиты. Обозначенное обстоятельство обуславливает существенные различия в объёме и характере социальных гарантий, предоставляемых разным общественным группам. При этом характер и объём помощи, предоставляемой различным социальным группам, зависит от политических целей конкретного государства.

К примеру, социальная политика Турецкой республики, проводимая в отношении курдов нацелена на снижение уровня общественной нестабильности и включает в себя ряд мер направленных на декоммодификацию услуг здравоохранения, как отмечает Джамаль Хусейн Гуверчин предоставление медицинской помощи за счёт средств государственного бюджета способствует снижению уровня социальной напряжённости. В частности, для минимизации социальной напряжённости в бедных районах государства были приняты такие нормативно-правовые акты как закон № 3294 «Оказание материальной помощи бедным через фонды»¹ и закон № 3816 «О государственном покрытии расходов неплатёжеспособным гражданам путём выдачи Зелёной карты (Специализированного страхового полиса – *прим. авт.*)»² [19, с. 313]. При этом, согласно данным, собранным Е. Юрюком, доля обладателей Зелёных карт на территориях, с высоким процентом курдского населения существенно выше, чем в регионах с аналогичным уровнем бедности, не являющихся местами компактного проживания курдов. Более того, курды в некурдских регионах получают больше социальной помощи, нежели не курды. Также в рамках популистской модели социаль-

¹ 3294 Sosyal Yardımlaşma ve Dayanışmayı Teşvik Kanunu, 2018. Available at: <https://www.lexpera.com.tr/mevzuat/kanunlar/sosyal-yardimlasma-ve-dayanismayi-tesvik-kanunu-3294> (accessed 05 July 2025).

² 3816 Sayılı Ödeme Gücü Olmayan Vatandaşların Tedavi Giderlerinin Yeşil Kart Verilerek Devlet Tarafından Karşılınması Hakkında Kanun., 2012. Available at: <https://www.lexpera.com.tr/mevzuat/kanunlar/odeme-gucu-olmayan-vatandaslarin-tedavi-giderlerinin-yesil-kart-verilerek-devlet-tarafindan-2> (accessed 05 July 2025).

ного государства широкое распространение имеет практика прямого предоставления благ нуждающимся представителям общественных групп, являющихся объектом кооптации или политической мобилизации [21, с. 175].

Говоря о практиках, используемых исключительно в целях вовлечения определённых социальных групп в политический процесс на стороне действующей власти, следует упомянуть меры, направленные на создание условий, необходимых для сохранения определённого образа жизни. В частности, правительство Израиля осуществляет государственное финансирование религиозных учебных заведений, в которых не осуществляется преподавание общеобразовательных дисциплин. Данное положение дел обусловлено стремлением крупных политических сил привлечь на свою сторону ортодоксальных избирателей и заручиться поддержкой религиозно-консервативных партий. При этом финансирование религиозного образования продолжается даже ценой сокращения расходов на иные социальные программы¹. Отметим также, что помимо существенного роста социальных расходов в краткосрочной перспективе, избыточное финансирование религиозного образования приводит к росту безработицы, снижению качества человеческого капитала, а также к распространению иждивенчества в долгосрочной перспективе.

Предпосылки и причины формирования популистского социального государства

Формирование популистской модели социального государства обусловлено совокупностью различных факторов.

Во-первых, обсуждаемая форма политической организации общества вызвана к жизни изменениями в инсти-

¹ Ультраортодоксы получают на образование ещё 155 миллионов шекелей [Электронный ресурс]. URL: <https://ashkelon.ru/izrail/ultraortodksy-poluchat-na-obrazovanie-eshche-155-millionov-shekelej> (дата обращения: 10.07.2025).

туциональной архитектуре международной финансовой системы, вдохновлённой экономической политикой передовых стран Запада (США, Великобритания) [7, с. 132].

Постепенный отход от кейнсианского подхода, предполагающего прямое вмешательство государства в народное хозяйство и в процесс распределения благ, и переход к доктрине монетаризма, основанной на практически неограниченной рыночной конкуренции и сведении роли публичного субъекта к поддержанию приемлемого уровня инфляции, и в некоторых случаях, борьбе с монополизацией. Комплекс мероприятий, направленных на практическое воплощение идей новой экономической школы в Великобритании и США в конце XX века получил в трудах ряда авторов «неконсервативная революция» [9, с. 25].

Следствием экономической политики, проводимой правительствами указанных государств в обозначенный период времени стала коммерциализация социальных услуг и распространение на сферы здравоохранения, образования и помощи нуждающимся рыночных принципов [18, с. 108–109]. Принимались законы, направленные против профсоюзов, являющихся одним из важнейших институтов социального государства в Британии. В результате чего, к концу 80-х неолиберальная экономическая доктрина оказала влияние на институциональную архитектуру международной финансовой системы, что привело к утверждению «Вашингтонского консенсуса», в основе которого лежит деятельность Международного Валютного Фонда, Всемирной Торговой Организации, а также Всемирного Банка¹, а также Европейского Экономического Союза (позже – Европейского союза)² [15,

¹ Zila Öniş Steven B. Webb Policy and Economy Reform in Turkey in the 1980s., 1992. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/651731468761064368/pdf/multi0page.pdf> (accessed 06 July 2025).

² Turkish Economy 2016. Available at: <https://internationalrelations.org/turkish-economy/> (accessed 06 July 2025).

с. 45]. Активное вмешательство обсуждаемых организаций в политику развивающихся стран, привело к эрозии и без того не полностью сформировавшейся в них социальной государственности. Ограничения, наложенные международными институтами, под предлогом соблюдения принципов финансовой дисциплины, привели к существенному снижению социальных расходов и коммодификации ряда общественных благ. К примеру, под влиянием межгосударственных акторов после военного переворота 1980 года в Турции начался «Период либерализации», в течение которого в ряде общественно значимых сфер устанавливается ориентация на прибыль. Так в принятой 1982 году конституции Турецкой Республики¹ отсутствуют положения об ответственности государства за здоровье граждан, которые присутствовали в основном законе данного государства от 1961 года² [3, с. 38].

Во-вторых, популистский тип социального государства возник в том числе и связи с изменением структуры экономики и ростом урбанизации. В ряде стран в том числе и в Турции, произошло снижение занятости в аграрном секторе и в промышленности. Вместе с тем происходит перетекание рабочей силы в сферу услуг³ [7, с. 131–132]. Изменение структуры занятости населения, а именно повышение распространённости неофициальных форм трудоустройства, а также практики привлечения работников для выполнения задач по краткосрочным договорам или замещения трудовых договоров иными видами соглашений (прекарной занятости) [13, с. 298], создало в условиях, в которых финансирование системы социальной

¹ Türkiye Cumhuriyeti Anayasası 18.10.1982. Available at: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/anayasa/> (accessed 06 July 2025).

² Türkiye Cumhuriyeti Anayasası Kanun No: 334 Kabul Tarihi: 9/7/1961. Available at: <https://www.anayasa.gov.tr/tr/mevzuat/onceki-anayasalar/1961-anayasasi/> (accessed 06 July 2025).

³ Erçin Ali E. Social and economic impacts of the Southern Anatolia project Available at: <https://etd.lib.metu.edu.tr/upload/12607240/index.pdf> (accessed 06 July 2025).

поддержки за счёт взносов работодателей и работников оказывается сопряжено с рядом трудностей [1, с. 69].

В-третьих, появление популистской модели социального государства, обусловлено в том числе и изменением структуры занятости. Так, разрушение профсоюзов создало условия для перехода от коллективных переговоров об условиях труда к индивидуальным договорам между работодателем и работником [14, с. 19]. Так начиная с 1960-х годов в странах-участницах Организации экономического сотрудничества и развития наблюдается снижение доли членов профессиональных союзов. Если в середине прошлого века она составляла приблизительно 40 %, то по состоянию на 2020 год в профсоюзах состоят лишь 15,8 % трудящихся¹.

В-четвёртых, старение населения, вызывающее рост нагрузки на пенсионные системы государств [4, с. 13], также способствует изменению социальной политики и отходу от традиционных моделей социального государства, и переходу к новым его разновидностям, в том числе к популистской модели².

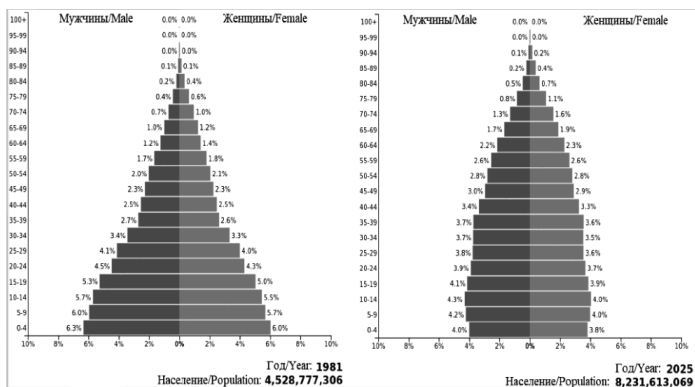

Рис. 1. Половозрастная структура населения Земли в 1981 и 2020 г.

¹ OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development): OECD.Stat. Trade Union Dataset (oecd.org). Available at: <https://www.oecd.org/en/data/datasets.html?orderBy=mostRelevant&page=0&q=Trade+Unions>: (accessed 07 July 2025).

² Population Pyramid of the World from 1950–2100. Available at: <https://www.populationpyramid.net/>: (accessed 07 July 2025).

Как можно заметить, социально-экономические изменения, вызванные технологическим прогрессом и распространением идеологий неоконсерватизма и неолиберализма, привели к трансформации социального государства во многих странах (рис. 1).

Однако обозначенные экономические и идеологические перемены являются необходимой, но не единственной группой факторов, обусловивших формирование популистского социального государства. Формирование обозначенной формы социальной государственности происходит под влиянием и ряда иных общественно-политических особенностей некоторых стран.

Так, причиной преобразования социальной государственности по популистской модели, в числе прочего, может являться особый демографический состав населения. Например, существенное влияние на политику Турции в сфере социального обеспечения оказал курдский вопрос. Курды, численность которых составляет около 25 миллионов, являются крупнейшим национальным меньшинством, более того на ряде территорий представители данной народности составляют абсолютное (около 80 %) ¹ большинство населения. При этом рождаемость в обозначенных районах остаётся на довольно высоком уровне. Турецкие демографы отмечают, что коэффициент фертильности в южных провинциях, где проживают курды, более чем вдвое выше, чем на северных территориях, населённых преимущественно турками [2, с. 104] (рис. 2, 3).

Однако, национальная принадлежность не является единственной предпосылкой к формированию общественной группы, существование и деятельность которой создаёт условия для становления популистского соци-

¹ Türkiye İstatistik Kurumu Nüfus Portalı. Available at: <https://nip.tuik.gov.tr/?value=YasGrubunaGoreNufus> (accessed 08 July 2025).

ального государства. В некоторых странах сходную роль может сыграть религиозная принадлежность.

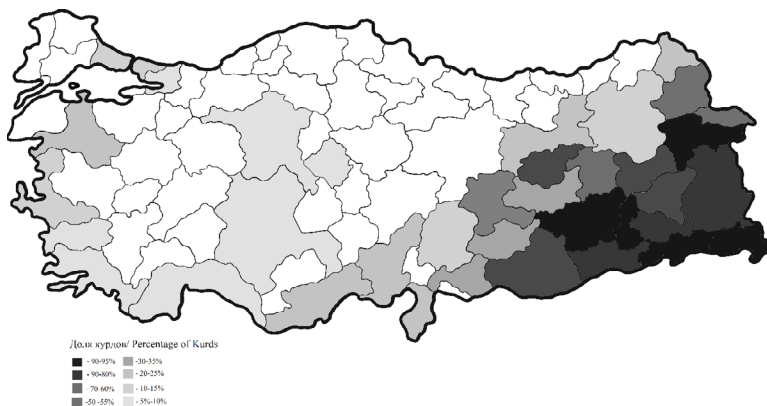

Рис. 2. Доля курдского населения в различных административно-территориальных единицах Турецкой Республики

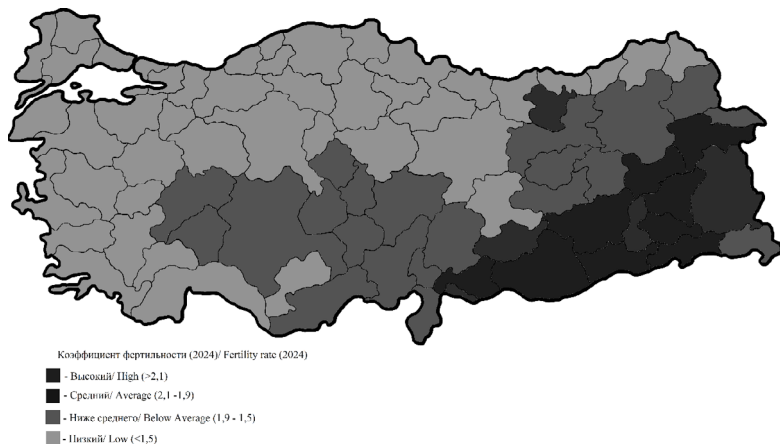

Рис. 3. Коэффициент фертильности в административно-территориальных единицах Турецкой Республики

В частности, в Израиле популистская модель социально-го государства формируется под влиянием не националь-

ных меньшинств, а определённых религиозных групп. Так, получателями особого набора льгот являются ультраортодоксальные евреи, так же, как и курды в Турции, обозначенная общественная группа является значимым меньшинством. По состоянию на 2023 год, доля данной категории населения составила 13,5 %, при этом в виду высокой рождаемости, имеет место постепенный рост ультраортодоксального населения, по прогнозам Центрального Бюро Статистики Израиля к концу этого десятилетия доля ультрарелигиозного населения составит 16 %¹.

Помимо относительно большой численности обозначенным ранее социальным группам свойственна высокая степень политической активности. Так, активность курдских группировок, началась едва ли не со дня основания Турецкой республики. В первое десятилетие существования современной турецкой государственности произошло три крупных и 12 меньших по масштабу восстаний. Самое крупное из обозначенных столкновений, случившиеся в 1925 году, заставило турецкие власти использовать для подавления мятежа 35 тысяч солдат и применить авиацию. Противостояние турецкого правительства и курдов было обусловлено широким спектром национальных и религиозных противоречий.

При этом к середине 60-х в курдском общественном движении произошёл синтез националистических воззрений и левой идеологии.

В 1965 г. была основана Демократическая партия Курдистана и Турции, сочетающая в своих программных документах положения о курдской автономии и коммунистические идеи. Более того, в 1960-х годах в Стамбуле действовали прокурдские революционные комитеты освобождения Востока, что позволяет сделать вывод о том, что

¹ Haredim are fastest-growing population, will be 16 % of Israelis by decade's end. Available at: <https://www.timesofisrael.com/haredim-are-fastest-growing-population-will-be-16-of-israelis-by-decades-end/> (accessed 07 July 2025).

курдское общественное движение приобрело экстерриториальный характер. Внедрение в программные документы курдских партий идей социальной справедливости расширило базу их социальной поддержки. В связи с ростом в районах компактного проживания курдов городского населения в середине – конце XX в. происходила эрозия племенного единства и разрушение традиционных институтов социальной поддержки. В свою очередь обозначенные обстоятельства привели к радикализации общественных настроений и становлению идеологии курдского сепаратизма. Под влиянием репрессивной политики турецких властей происходила эскалация насилия со стороны курдских военизированных группировок прежде всего, рабочей партии Курдистана. При этом радикальные движения опирались и до сих пор опираются на наименее обеспеченные слои курдского населения. Данное обстоятельство объясняет необходимость проведения турецкими властями социальной политики, направленной на снижение уровня бедности среди курдского населения, в том числе и в ущерб иным общественным группам [12, с. 67–72].

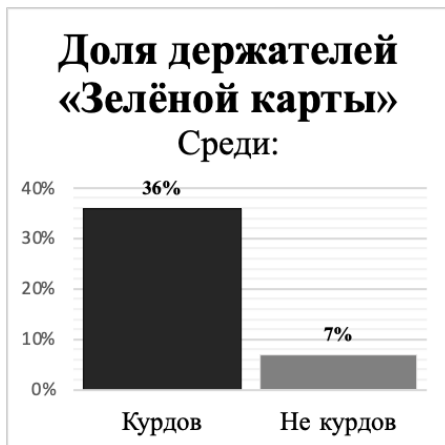

Рис. 4. Доля держателей «Зелёной карты»

В Израиле особая социальная политика в отношении ультраортодоксального населения обусловлена не только стремлением законодателя на практике реализовать положение о еврейской характере государства Израиль, но и стремлением правого истеблишмента сначала получить, а после сохранить власть в этом государстве. В частности, ряд исследователей связывают укрепление позиций израильских правых сил во главе с правящей ныне партией «Ликуд» с произошедшим в 1970-е годы изменением этнокультурного состава населения. В этот период в Израиле наблюдался рост доли сефардов и мизрахим (евреев – выходцев из стран Ближнего Востока, Испании и Африки – *прим. автора*), отличавшихся большей в сравнении с ашкеназским населением степенью религиозности¹. При этом обозначенные выше общественные группы сталкивались с системной дискриминацией со стороны, по преимуществу, ашкеназской политической элиты [20, с. 2]. Данное обстоятельство препятствовало повышению уровня жизни сефардов и мизрахим, создавая условия для повышения в их среде градуса недовольства действовавшей на тот момент власти левых сил [11, с. 357].

Однако влияние популистских тенденций на модель социальной государственности Израиля в большей степени связано с деятельностью появившейся в 1980-х годы партии ШАС, обеспечившей политическое представительство евреям, происходившим из стран Ближнего Востока. В результате данная политическая сила за период с 1984 по 1998 г. смогла пройти путь от «от малоизвестного религиозного движения» до «Третьей по силе партии в Израиле»². Данное положение дел в купе с такими особенностями израильской политической системы, как

¹ Israel's Religious Divided Society. Pew Research Center. Available at: <https://www.pewresearch.org/religion/2016/03/08/israels-religiously-divided-society/> (accessed 11 July 2025).

² Кнессет. История [Электронный ресурс] URL: <https://main.knesset.gov.il/RU/About/History/Pages/KnessetHistory.aspx?kns=> (дата обращения: 12.07.2025).

многопартийность и довольно низкий электоральный барьер в 3,25% позволяет ШАС оказывать серьёзное влияние на социальную политику Израиля [8, с. 279]. При этом некоторые воззрения обсуждаемой политической партии пересекаются с целями и задачами иных ультраортодоксальных партий, в частности ашкеназская религиозная партия «Единый Иудаизм Торы» также выступает за предоставление религиозным учебным заведениям государственного финансирования, а их учащимся освобождения от призыва на воинскую службу¹.

Рис. 5. Результаты ультраортодоксальных партий на выборах в Кнессет 11–25 созывов

Следует добавить, что ультраортодоксальные политические силы, представленные в израильском органе законодательной власти, занимают особую позицию по отношению к власти данного государства. Д. Горовиц и М. Лисак определяли её как «вполне центристскую с точки зрения политического влияния и потребностях в его (истеблиш-

¹ United Torah Judaism. Available at: <https://koheletprize.org/media/2-Sample-Party-Platform-UTJ.pdf> (accessed 11 July 2025).

мента) услугах, но весьма периферийную во всём, что касается обязанностей перед государством» [10, с. 267].

Таким образом причинами для формирования популистской модели социального государства являются как изменения в глобальной экономике (неолиберальный поворот, изменение структуры труда и занятости, научно-технический прогресс), так и специфика общественно-политической ситуации в каждом отдельном государстве (наличие многочисленной и политически активной социальной группы, оказывающей влияние на политику государства).

Проблема несоответствия популистской модели социального государства руководящим идеям свободы, равенства и справедливости

Как и любая форма политической организации общества популистское социальное государство, не лишено недостатков. В частности, обозначенная модель социальной государственности предполагает отступление от ряда значимых принципов права ради достижения политических целей.

Во-первых, в ходе построения популистского социального государства допускается отход от руководящей идеи равенства. Несмотря на то, что в основных законах большинства государств провозглашается равенство граждан перед законом и судом, одни общественные группы имеют больше социальных прав, чем другие, находящиеся в сходном экономическом положении. Даже в случаях, когда законодатель устанавливает одинаковый порядок получения благ для всех граждан, в ходе правоприменительной практики представители общественных групп, являющихся объектами кооптации и политической мобилизации, получают преимущество. Данное положение дел свидетельствует о нарушении принципа равенства. Причём, в ходе построения популистского социально-

го государства происходит отход как от формально-юридического равноправия, так и от руководящей идеи реального равенства возможностей. Несмотря на то, что ряд исследователей в, частности С. В. Юрчук и Е. И. Козлова говорят о неизбежности существования льгот и привилегий в любой правовой системе, оба правоведа обозначают, что преимущества, должны уравниваться дополнительными обязанностями. Однако в рамках популистской модели социального государства группы, являющиеся объектами мобилизации или кооптации, получают больше прав и благ нежели иные субъекты, при этом на них не возлагаются дополнительные обязанности перед государством или обществом [17, с. 56].

Во-вторых, популистское социальное государства допускает отход от принципов свободы. Так, принимаемые в целях мобилизации социальных групп, ведущих образ жизни, отличный от такового у большинства граждан, решения могут предполагать ограничение позитивных свобод ряда лиц в долгосрочной перспективе. Например, государственное финансирование ортодоксальных религиозных учебных заведений, в которых не осуществляется преподавание общеобразовательных предметов, создаёт ограничения для последующей профессиональной деятельности их выпускников. Также подобное положение дел, препятствует выходу граждан из обсуждаемой общественной группы, что в свою очередь снижает степень негативной свободы ряда субъектов.

Не лишним будет отметить, что само по себе использование социальной политики в целях политической мобилизации определённых групп является посягательством на свободу индивидов, в особенности в случае, когда между правящими элитами и определёнными общностями устанавливаются патрон-клиентских отношения. В данной ситуации, институты социального государства

используются не для защиты прав и свобод граждан, но для обеспечения контроля над ними.

В-третьих, в ходе построения популистского социального государства происходит отступление от принципа справедливости с точки зрения целого ряда подходов, к интерпретации обозначенной руководящей идеи. Так, с точки зрения аристотелевской концепции дистрибутивной справедливости, предполагающей возможность, как равного, так и неравного распределения благ, однако устанавливающей необходимость дополнительного критерия, обосновывающего неодинаковое наделение сходных субъектов благами. При этом условиями, в которых неравное распределение считается справедливым, могут выступать неодинаковость заслуг или потребностей [5, с. 92–94].

Однако в рамках популистской модели социального государства, и критерий нуждаемости, и принцип наделения благами по заслугам, имеют меньшее значение, чем соображения политической сообразности. В частности, равно нуждающиеся субъекты получают неодинаковый объём социальной помощи. При этом больший объём благ в ряде случаев перераспределяется в пользу социальных групп, отличающихся большей политической активностью, способной повлиять на положение элитных группировок, находящихся у власти. Сходное соотношение наблюдается между началом справедливости и популистской моделью социального государства наблюдается и с точки зрения Дж. Ролза. Предложенный им второй принцип честного равенства, допускает неравенство лишь в случае, если оно приносит пользу наиболее угнетённым. Однако, как уже говорилось ранее, популистская модель социального государства отводит критерию нуждаемости второстепенную роль. Иными словами, отход от принципа равенства в вопросе оказания помощи обусловлен не стремлением придерживаться прин-

ципа справедливости, но нацеленностью на сохранение позиций определённых политических элит. Следовательно, с точки зрения данного исследователя популистская модель социального государства предполагает отход от принципа справедливости [16, с. 8].

Менее однозначным видится соотношение между руководящей идеей справедливости популистской моделью социального в контексте воззрений Дж. Локка. Его концепция общественного договора, в числе прочего включает общественное благо, как один из критериев справедливости законов, судебных решений и политических актов. Данное положение, в свою очередь, позволяет прийти к выводу о том, что мероприятия, направленные на кооптацию радикалов и размывание базы поддержки деструктивных движений, в том числе посредством институтов социального государства справедливо в той степени, в которой защищает интересы общества. В то время, как действия, нацеленные на политическую мобилизацию при помощи практик, лежащих в основе обозначенной выше формы организации общественной жизни, видятся несправедливыми, так как в этом случае интересы большинства граждан и государства в целом приносятся в жертву в угоду целям и задачам правящей элиты [6, с. 87]. Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что в ходе построения социального государства по популистской модели, принципы справедливости, свободы и равенства отходят на второй план, уступая место соображениям краткосрочной политической выгоды.

Заключение

Популистское социальное государство – это модель политической организации общества, в рамках которой социальная политика направлена на политиче-

скую мобилизацию и/или кооптацию наиболее активных социальных групп.

Становление социальной государственности данного типа обусловлено неолиберальным поворотом в экономической политике, осуществлённым под влиянием международных финансовых институтов, изменением демографической структуры общества, распространением неформальной занятости, а также политической активностью относительно многочисленных социальных групп.

При этом в ходе построения обсуждаемой модели социального государства такие руководящие идеи права, как равенство свобода и справедливость имеют меньшее значение чем политическая целесообразность.

Исследование обсуждаемой формы политической организации общественной жизни, по нашему мнению, являются перспективным направлением в юридической науке. Ведь на современном этапе социальное государство находится в кризисе, вызванном целым комплексом факторов. В этой связи приобретает актуальность изучение популистской модели социального государства в контексте допустимости и эффективности популистских мер, приносящих выгоду в краткосрочной перспективе, но идущих вразрез с такими руководящими идеями права, как адресность, свобода, равенство и справедливость.

Список литературы

1. Анисимов Р. И. Прекаризация трудовых отношений в промышленно-сти // Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности. – М.: Весь мир, 2021. – С. 57–79.
2. Ахмедов Т. А. Северный (Турецкий) Курдистан и его этническое и демографическое положение в 1990–2020 годах // Современная научная мысль. – 2022. – № 1. – С. 99–105. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-1-99-105.
3. Бедрик А. В., Волошина Е. Е., Губарев И. В. Турецкий политический процесс в 1960-х – начале 1970-х гг.: попытки реинтеграции ислама в кемалистскую модель

государства // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. – 2018. – № 4 (200). – С. 35–40. DOI: 10.23683/0321-3056-2018-4-35-40.

4. Гурвич Е. Т. Долгосрочные тренды пенсионной политики в мире // Финансовый журнал. – 2019. – № 6. – С. 9–26. DOI: 10.3117/2075-1990-2019-6-9-26.

5. Кашников Б. Н. Концепция общей справедливости Аристотеля: опыт реконструкции // Этическая мысль. – 2001. – № 2. – С. 89–117.

6. Кирюхин Д. И. Понимание справедливости Джоном Локком // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 4. – С. 83–88.

7. Крючков И. В. Особенности экономического развития стран Западной Европы и США во второй половине XX века // Наука. Инновации. Технологии. – 2013. – № 2. – С. 127–136.

8. Кувшинова Е. В. Партия «ШАС» и её место в политической системе Израиля // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 1. – С. 276–281.

9. Лимаренко А. П. Атлант на коленях: кризис неоконсервативного социального проекта и монетаристской политики // Социология. – 2013. – № 3. – С. 23–35.

10. Макаренко Е. Ю. Религия как фактор групповой самоидентификации в Израиле // ПОЛИТЭК. – 2008. – № 3. – С. 259–269.

11. Морозов В. М. Мельникова С. В. «Правый поворот» в политической жизни Израиля (1965–1977 гг.) // Научный диалог. – 2020. – № 10. – С. 353–367. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-353-367.

12. Сафарян Л. А. Турки и курды: вечная спираль войны на Ближнем Востоке // Свободная мысль. – 2021. – № 1 (1685). – С. 68–80.

13. Смирнова Ю. А. Прекариат и прекарная занятость как социальные феномены: сущность и истоки формирования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2020. – № 4 (841). – С. 296–307.

14. Соболев Э. Н. Кризис профсоюзов и трансформационные изменения в сфере труда // Общество и экономика. – 2023. – № 9. – С. 18–31. DOI: 10.31857/S020736760027135-7

15. Хмелинин А. А. Проблема социальной справедливости в неолиберальной политической доктрине и практике: теоретический анализ // Антиномии. – 2014. – № 3. – С. 41–48.

16. Шавенко Н. А. Некоторые аспекты второго принципа справедливости по Джону Ролзу // История Философии и Права. – 2017. – № 4 (83). – С. 7–14.

17. Юрчук В. С. Юридическое равенство как важнейшая характеристика права // Вестник Московского университета им. С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2017. – № 3 (12). – С. 55–57.

18. Явнова И. И. Социальная политика консервативного правительства Маргарет Тэтчер (80-е гг. XX века) // Манускрипт. – 2019. – № 12. – С. 104–109. DOI: 10.30853/manuscript.2019.12.19.

19. Namal A., Demirkhan Erdemir A., Alkan N. Türk Tıp Etiği Tıp Hukuku ve Tıp tarihi Araştırmaları Yıllığı – ACR Tıbbi Yayın ve Dış Ticaret, 2021. – 492 p.

20. Picard A. Like a Phoenix: The renaissance of the Sephardic/Mizrahi identity in Israel in the 1970s and 1980s // Israel Studies. – 2017. – Vol. 22. – № 2. – Pp. 1–25.

21. Yörük E. The politics of the welfare state in Turkey: How social movements and elite competition created a welfare state. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2022. – 238 p.

References

1. Anisimov, R. I. (2021) Prekarizatsiya trudovykh otnoshenii v promyshlennosti [Precarization of labor relations in industrial sector]. *Prekarnaya zanyatost': istoki, kriterii, osobennosti* [Precarisation of Employment Origins, Criteria, Features]. Moscow: Ves' mir. Pp. 57–79. (In Russian).
2. Akhmedov, T. A. (2022) Severn (Turetskii) Kurdistan i ego ehnticheskoe i demograficheskoe polozhenie v 1990–2020 godakh [Northern (Turkish) Kurdistan and its Ethnic and Demographic Status in the 1990–2020-ies]. *Sovremennaya nauchnaya mysl' – Modern Scientific thought*. No. 1. Pp. 99–105. DOI: 10.24412/2308-264X-2022-1-99-105. (In Russian).
3. Bedrik, A. V., Voloshina, E. E., Gubarev, I. V. (2018) Turetskii politicheskii protsess v 1960–kh – nachale 1970–kh gg.: popytki reintegratsii islama v kemalistskuyu model' gosudarstva [Political Processes in Turkey in 1960s and in 1970s]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye Nauki – News of higher education of Northern Caucasus region Section: Social sciences*. No. 4 (200). Pp. 35–40. DOI: 10.23683/0321-3056-2018-4-35–40. (In Russian).
4. Gurvich, E. T. (2019) Dolgosrochnye trendy pensionnoi politiki v mire [Long-term Trends of the Global Retirement Policy]. *Finansovyy zhurnal – Financial Journal*. No. 6. Pp. 9–26. DOI: 10.3117/2075-1990-2019-6-9-26. (In Russian).
5. Kashnikov, B. N. (2001) Kontseptsiya obshchei spravedlivosti Aristotelya: opyt rekonstruktsii [Aristotle's Conception of General Justice: Attempt of Reconstruction]. *Ehticheskaya mysl' – Ethical Thought*. No. 2. Pp. 89–117. (In Russian).
6. Kiryukhin, D. I. (2013) Ponimanie spravedlivosti Dzhonom Lokkom [John Locke's Interpretation of Justice] *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Bulletin of Perm University Philosophy Psychology Sociology*. No. 4. Pp. 83–88. (In Russian).
7. Kryuchkov, I. V. (2013) Osobennosti ehkonomicheskogo razvitiya stran Zapadnoj Evropy i SSHA vo vtoroj polovine XX veka [The Features of Development of Western Europe and the USA at the Second Part of 20th Century]. *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii – Science, Innovations Technologies*. No. 2. Pp. 127–136. (In Russian).
8. Kuvshinova, E. V. (2021) Partiya «SHAS» i ee mesto v politicheskoi sisteme Izrailya [Party «Shas» and its Role in the Political System of Israel]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya – Social-Humanitarian Knowledge*. No. 1 Pp. 267–281. (In Russian).
9. Limarenko, A. P. (2013) Atlant na kolenyakh: krizis neokonservativnogo sotsial'nogo proekta i monetaristskoi politiki [Atlas Kneeled: Crisis of Neoconservative Project and Monetarist Policy]. *Sotsiologiya. – Sociology*. No. 3. Pp. 23–35. (In Russian).
10. Makarenko, E. Y. (2008) Religiya kak faktor gruppovoi samoidentifikatsii v Izraile [Religion as the Factor of Group Self-identification in Israel]. *POLITEHKS – POLITECHS*. No. 3. Pp. 259–269. (In Russian).
11. Morozov, V. M., Mel'nikova, S. V. (2020) «Pravyy povорот» v politicheskoi zhizni Izrailya (1965–1977 gg.) [«Right Turn» in Israeli Political Life (1965–1977)]. *Nauchnyi dialog – Scientific Dialogue*. No. 10. Pp. 353–367. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-353-367. (In Russian).
12. Safaryan, L. A. (2021) Turki i kurdy: vechnaya spiral' voyny na Blizhnem Vostoke [Turks and Kurds: an Eternal Spiral of War in the Middle East]. *Svobodnaya mysl' – Free Thought*. No. 1 (1685). Pp. 68–80. (In Russian).
13. Smirnova, Y. A. (2020) Prekariat i prekarnaya zanyatost' kak sotsial'nye fenomeny sushchnost' i istoki formirovaniya [Precariat and Precarious Employment as Social Phenomena Essence and Origin of its Formation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki – Bulletin of Moscow State Linguistic University Social Sciences*. No. 4 (841). Pp. 296–307. (In Russian).

14. Sobolev, E. N. (2023) Krizis profsoyuzov i transformatsionnye izmeneniya v sfere truda [Crisis of Trade Unions and Transformational Changes at the Sphere of Labor]. *Obshchestvo i ekonomika – Society and Economy*. No. 9. Pp. 18–31. DOI: 10.31857/S020736760027135-7 (In Russian).

15. Khmelinin, A. A. (2014) Problema sotsial'noi spravedlivosti v neoliberal'noi politicheskoi doktrine i praktike: teoreticheskii analiz [The Problem of Social Justice in Neoliberal Doctrine and Practice: theoretic analysis]. *Antinomii – Antinomies*. No. 3. Pp. 41–48. (In Russian).

16. Shavenko, N. A. (2017) Nekotorye aspekty vtorogo printsipa spravedlivosti po Dzhonu Rolzu [Certain Aspects of the Second Principle of Justice by John Rawls]. *Is-toriya Filosofii i Prava – History of Philosophy and Law*. No. 4 (83). Pp. 7–14. (In Russian).

17. Yurchuk, V. S. (2017) Yuridicheskoe ravenstvo kak vazhneishaya kharakteristika prava [Legal Equality as One of the most Important Characteristics of Law]. *Vest-nik Moskovskogo universiteta im. S. YU. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki – Bulletin of S. Yu Witte Moscow University Series 2: Legal Sciences*. No. 3 (12). Pp. 55–57. (In Russian).

18. Yavnova, I. I. (2019) Sotsial'naya politika konservativnogo pravitel'stva Margaret Tehtcher (80-e gg. XX veka) (80-e gg. XX veka) [Social Policy of Conservative Government of Margaret Thatcher]. *Manuskript – Manuscript*. No. 12. Pp. 104–109. DOI: 10.30853/manuscript.2019.12.19. (In Russian).

19. Namal, A., Demirkhan Erdemir, A., Alkan, N. (2021) *Türk Tıp Etiği Tıp Hukuku ve Tıp tarihi Araştırmaları Yıllığı* [Annual Turkish Medical Ethics Medical Law and Medical History Research]. *Tıbbi Yayın ve Dış Ticaret*. (In Turkish).

20. Picard, A. (2017) Like a Phoenix: The renaissance of the Sephardic/Mizrahi identity in Israel in the 1970s and 1980s. *Israel Studies*. Vol. 22. No. 2. Pp. 1–25.

21. Yörük, E. (2022) *The Politics of the Welfare State in Turkey: How Social Movements and Elite Competition Created a Welfare State*. Ann Arbor: University of Michigan Press.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
34/33/33 %

Об авторах

Глушаченко Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор, Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9499-0081, e-mail: professor_p@list.ru

Никонов Сергей Александрович, доктор исторических наук, Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-2523-7365, e-mail: snikonov-77@mail.ru

Курапин Владимир Сергеевич, аспирант, Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0008-6900-0806, e-mail: kvserg904@gmail.com

About the authors

Sergey B. Glushachenko, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Murmansk State University, Murmansk, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9499-0081, e-mail: professor_p@list.ru

Sergey A. Nikonov, Dr. Sci. (History), Full Professor, Murmansk State University, Murmansk, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-2523-7365, e-mail: snikonov-77@mail.ru

Vladimir S. Kuryapin, Postgraduate student, Murmansk State University, Murmansk, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0008-6900-0806, e-mail: kvserg904@gmail.com

*Поступила в редакцию: 31.08.2025
Принята к публикации: 03.09.2025
Опубликована: 22.12.2025*

*Received: 31 August 2025
Accepted: 03 September 2025
Published: 22 December 2025*